

Ольга НОВИКОВА

Мамина свечка.

1

Ирина вбежала в дом и, бросив сумочку на диван, поцеловала маму в щёчку. Она прижалась к тёплому плечу и погладила бессильную руку, лежащую на коленках, остро обозначенных под лёгким плащиком.

- Ну, слава Богу! Успела, - торопилась сообщить Ирина. - Всё нормально, мамуль, я отпросилась. Так всё удачно получилось...

Любовь Сергеевна сидела одетая возле стола, на котором ожидали своего часа документы для госпитализации. Рядом на полу стояла большая сумка с вещами. С минуты на минуту должна была приехать «скорая». Любовь Сергеевна заметно волновалась, пытаясь что-то сказать.

- Ира... - тихо начала она и тут же поперхнулась, - так сушило во рту. Любовь Сергеевна отпила глоточек воды из чашки, подаренной дочерью. - Ирочка, ты положи мне эту чашку с собой, вот здесь, сверху... - сказала она совсем не то, что хотела, и наклонилась к сумке в поисках места для чашки, зашуршала, перекладывая пакетики, но тут же закашлялась. Наклоняться Любове Сергеевне было трудно. Тяжело дыша, она откинулась на спинку стула и вытянула вперед очень худые ноги с опухшими стопами. Даже мягкие домашние тапочки, в которых она ходила теперь постоянно, глубоко и больно врезались в кожу.

- Мам, ну, зачем ты наклоняешься? Скажи мне, что надо, я сделаю.

Ира помогла матери сесть поудобнее и, ласково рассматривая её, погладила по волосам. Она с детства любила играть мамиными волосами, мягкими и пушистыми. Любила их заплетать в косы, расчёсывать, сотворять разные причёски, изображая маму то принцессой, то сказочной феей. Мама позволяла безобидные забавы дочке, хотя потом нередко вырезала целые прядки волос, так как привести их в порядок по-другому не было никакой возможности.

Сейчас Ирина вспомнила своё недалёкое детство и улыбнулась, она была уверена, что всё у них будет хорошо, ведь мама была с ней всегда, и будет вечно. Так думала Ирина. Так думают все дети.

Любовь Сергеевна думала по-другому. Не всё рассказала она дочери о болезни, боясь оставить одну, а ей всего-то чуть больше двадцати... Хотя выросла девочка самостоятельной, умницей: и по дому всё успевает, и учёбу в институте заканчивает. Но вот родных у них нет, поддержать, если что, будет некому...

- Ира... - опять начала Любовь Сергеевна. Она хотела так много сказать дочери, но слова не приходили на ум, застревали на полпути, оставаясь в сердце, полном жалости и любви к своей кровиночке. Любовь Сергеевна тяжело вздохнула. Резко похудевшая, она походила больше на ребёнка: лицо осунулось, большие глаза наполняла растерянность.

- Вот что, Ирочка, всё у тебя хорошо. Ты Вадима держись, он хороший парень и работающий... Да... Только вот к храму я тебя не приучила. Жалею об этом.

У дочери на глаза навернулись слёзы:

- Мам, ты что? Ты что говоришь-то? Хочешь, вместе пойдём? Когда скажешь, мам! Я же и крест ношу и молитвы знаю, буду вместе с тобой ходить! Вот, как выйдешь из больницы, и пойдём сразу! А за уроки - не бойся, я успею, я всё успею...

Ирина почувствовала тревогу в словах матери и готова была на всё, лишь бы успокоить её и унять своё, невесть откуда взявшееся беспокойство. Ещё час назад она была уверена, что в больнице маму непременно подлечат, и всё будет в их доме, как и до болезни: уютно и хорошо. Но теперь эта уверенность с каждой секундой утекала, как вода...

- Ира, вот ещё... - Любовь Сергеевна говорила медленно, с остановками, едва переводя дыхание. Волнение мешало ей говорить. - Возьми, доченька, вот эту свечку, - она дрожащими руками развернула лежащий на столе малюсенький тонкий свёрточек. - Её

мне батюшка подарил. Она от Гроба Господня. Как будет тяжело, - зажги у иконы, помолись, и - полегчает...

Она отвернулась, чтобы скрыть от дочери слёзы. А Ирина, рассеянно держала в руках тоненькую жёлтую свечку, очень тёплую от маминых рук.

2

...Санька сквозь сон почувствовал резкий запах лекарства. Баба Валентина сидела в длинной ночной сорочке на краю кровати и натирала мазью колено. Неприятный запах быстро заполнил всю комнату. Санька привстал на локте:

- Баб, ты чего?

- Чего, чего... - проворчала она недовольно и зевнула, быстрым движением перекрестив рот. - Упала я вчера со стремянки-то. Вот чего. Вишню у Надежды обирали допоздна, темно уж было, вот и навернулась.

- Баб, а зачем ты по темноте-то? Сама ведь говоришь: по светлому надо дела успевать, - расспрашивал, не унимаясь, внук.

- Не успели вот засветло. А вишни видал сколько? Усыпленная!

Вон у Надежды все деревья перевесились к Гонихиным. А к ним, сам знаешь, что попадёт, всё начисто уплетут. Детей, видал у них сколько? То-то. Пятеро, либо уж больше, шут их знает, - и баба Валентина, не вставая, привычно перекрестилась, левой рукой не переставая тереть колено. - Всю Надеждину вишню со своей стороны ободрали. Вместе с листьями... Едят они их, что ли? Прости, Господи!

- Баб, а чего ты сидя-то молишься? Сама говорила, надо на Бога глядеть и думать, о чём Его просишь...

- Ай да умник приехал ко мне! Ай да учитель! - баба Валентина оставила в покое больное место и поднялась. - Хватит болтать, подымайся, перекуси маленько, да в церкву пойдём!

- Не-е, бабуль, не пойду-у я! Голова боли-и-ит! Вон ты как намазалась, дышать нечем! А Гонихины - бедные, все так говорят, я сам слышал. Им вчера дядя Коля корзину огурцов приносил, я видел...

- Хватит уж, не болтай, чего не надо. Будешь бедным, коль целый день книжки на крыльце читать, - проворчала баба Валентина и зевнула, не забыв при этом перекрестить разинутый рот. Санька удивлённо покосился на неё:

- Баб, а чего ты рот-то крестишь, а?

Баба Валентина затрясла головой:

- Чего? Чего? - передразнила она внука, - А то сам не знаешь?! Большой уж, пора бы знать. От нечистой силы, вот чего! Чтоб не впустить её, окаянную. Понял, что ли? Слушай хоть бабуку, больше-то тебя некому учить! Давай умывайся по- быстрому, а не то я в церкву опоздаю. О, Господи...

Санька нехотя пошлёпал к умывальнику, а сам всё думал над непонятными, и от того страшными, словами бабушки. «Как же это?», - рассуждал семилетний мальчик: «Как эта нечистая сила может поместиться в рот бабы Валентины? А вдруг она и к нему захочет пролезть?» - Саньку передёрнуло от этих мыслей и от холодной воды, которая тонкой струйкой потекла из крана. «Лучше не думать об этом», - решил он и, пока баба Валентина не видела, намочил слегка одной рукой нос. Притом, другую руку и лицо оставляя сухими. Очень уж не хотелось умываться холодной деревенской водой...

В окно заглядывало солнце, и на столе играли весёлые лучики. Через открытую форточку слышно было, как кудахчут куры.

- Всё, баб, умылся... - сообщил он. Но бабушка перебила внука:

- А одеваться? Всё бы в майке к столу садились. Грех это! Запомни! Ох, ты, беда моя! - и снова по привычке вздохнула.

Санька оделся, вышел на кухню.

- На вот! - баба Валентина подала внуку тарелку с варёными яйцами. - Ешь! Я-то не ем так рано.

Рядом лежали свежие огурчики. Прямо на клеёнке, на которой когда-то был рисунок, друг на дружке лежали куски ржаного хлеба, а в большой эмалированной чашке на спелых ягодах вишни блестели капельки воды.

Санька с удовольствием взял ещё тёплое яйцо, не торопясь, чистил его и обдумывал, чем он будет заниматься, пока бабушки не будет дома. Резкий окрик остановил его мечтания: - Да сколько же раз говорить: не макай яйцо в соль, не макай! - и она слегка ткнула его в затылок.

- А почему нельзя-то, а, баб?

- Потому, что грех. Вот почему. Да, что вам говорить-то?! Не боитесь вы греха, - баба Валентина снова перекрестилась, теперь глядя на иконы, занимающие в углу и на стене достойное место.

Санька не совсем понимал, что такое - грех, и почему его надо бояться. «А вдруг и не надо? - мысленно рассуждал он. - Может, он не такой уж и страшный, этот грех, которым баба Валентина каждое лето пугает его...»

На всякий случай Санька пощупал свои бицепсы, остался доволен и стал думать о том, как бы сходить с бабушкой на пруд.

В предвкушении хорошего дня он потянулся за огурцом, разрезал его пополам, посолил, аппетитно потёр одну половинку об другую, так, что по рукам потёк сок, и неповторимый аромат почти перебил камфорный запах бабушкиной мази.

- Господи! - вскрикнула баба Валентина. - Да это же наказание!

Санька удивлённо оглянулся, но тут же по взгляду, устремлённому на него, понял, что наказание Господнее - это он, Санька.

- Ну, чего я сделал- то? Чего опять не так-то? - заныл он. - Не макаю я твои яйца-а-а! - растягивал слова внук, пытаясь разжалобить бабушку.

Хотя баба Валентина и не обижала внука, но в сердцах вполне могла шлёпнуть полотенцем. Конечно, это несколько не больно, но обидно очень. И с подобной обидой Санька встречался не раз.

- Господи, да не кладут нож-то острым наверх! Не кладу-ут! Сколько говорить тебе, а? Горе ты моё! Ох, опоздаю сегодня, точно опоздаю...

- Почему нельзя, а? Скажи, почему? Ну, скажи-и- и! - не переставал канючить Санька. Ему и вправду было интересно, почему нож нельзя класть так, как положил он. Почему непременно нужно положить так, как велит она, баба Валентина.

- Бестолковый, ох, бестолковый! Колдуют так! - испуганно крестила баба Валентина Саньку. - Ешь вон вишню! Пропадает! - приказала она, а сама снимала со спинки стула воскресную юбку с кофтой.

- Не могу я её больше есть, язык от неё щиплет.

- От глупостей да от болтовни твоей щиплет! - ворчала баба Валентина, кряхтя и охая, натягивая чулок на ушибленную ногу.

- Баб, а, баб, - решил Санька пойти на мировую, - а можно я телек включу? Немножко, а? Баба Валентина резко выпрямилась:

- Правильно. Телек! Пока добрые люди в церкви молятся, он будет телек смотреть. Ну, что мне с тобой делать? Ведь отвечать за тебя придётся. А ты, как нарочно. Одни ведь нехристи там, в телеке твоём!

Санька усиленно зашмыгал носом и подозрительно поглядел на бабушкин телевизор. «Телек, как телек», - подумал он, - как у всех, как у него дома в городе...»

- А нехристи - это кто это, баб? - спросил Санька на всякий случай, понимая, что ему становится страшновато оставаться одному.

Баба Валентина в сенях позвякивала ключами, но внуку всё же поучительно разъясняла:

- Папка твой беспутный, и мамка такая же стала. Вот кто. Понял?

Санька понял, что нехристи вовсе не страшные, и, что бояться ему некого. Но вот почему его родители в телеке, как считает бабушка, он так и не понял. Но это его не очень-то интересовало. А баба Валентина, хоть и спешила, но выговориться считала своим долгом:

- Сходят в храм на Пасху и думают: всё, дело сделано, в рай попадут! А нет, милоч, так дело не сделается! Бог-то - он всё видит! - никак не могла она засунуть ноги в туфли.

- Как будут спасаться, не знаю. Как спасутся? О Боге совсем не думают и детей совсем не учат! О, Господи! Беда кругом!

- Бабушка, - задумал немного успокоить её Санька. – А давай потом на пруд пойдём, а? Ты ведь обещала!

- Ну, скажи, что не бестолковый, - заводилась всё больше баба Валентина, повязывая платок. – Ну, какой пруд? Кошёлку с вишней видал? - суежилась она, переставляя тяжёлые посудины с ягодами в тенёк. - Варенье будем варить, не то прокиснет вишня. Нежная она!

- Баб, ну, куда столько варенья? Ставить уж некуда. Давай лучше на пруд, бабуль!

- Тьфу, ты! Всё-тки заведёт перед молитвами! Уйдём на пруд, - куда вишню денем? Скажи на милость, раз такой умный?

-А давай Гонихиным отдадим! Баб! У нас и так полно!

У бабы Валентины даже слёзы навернулись:

- Ну, посмотрите на него! Гонихиных ему жалко, а родную бабушку - нет! Неужто не видишь, еле хожу: нога-то вон как опухла! Зачем я тогда лазила на вишню-то эту! Чтобы для них собирать, что ли? Что уж ты, Санька, в самом деле? А? Да и в храм Божий надо идти, свечи продавать кто будет? А за порядком следить? Кто? – совсем расстроенная, она махнула рукой, заперла Саньку на ключ и, хромая, отправилась в церковь.

3

Горькие комки упорно подкатывали к горлу. Сквозь пелену слёз Ирина смотрела на фитилёк тоненькой свечки, обвитый играющим свечением, которое податливо отзывалось на каждое движение воздуха. Лёгкий ореол то уклонялся от незаметного дуновения, то тянулся вслед за утекающей струёй, трепетно меняя очертания. Свечение из круглого становилось овальным, поколебавшись, вытягивалось вверх, перетекая в новую форму, тонкую и длинную, неустанно изгибаясь в разные стороны. Ирина отрешённо наблюдала бесхитростную игру маленького огонька, замирающего на мгновение для молчаливого разговора. Неожиданно ей показалось, что мама сейчас разговаривает с ней утешительно и радостно. Она хорошо помнила наказ «Зажжёшь, дочка, когда будет тяжело. И полегчает...» «Какая же она умница, мамочка моя. Как она переживала за меня. И сейчас молится обо мне.... Не буду плакать больше. Не буду...»

Действительно, так тяжело, как сейчас, Ирине не было никогда. До последнего маминого вздоха она верила в чудо, надеялась, что мама поправится, и всё в её небольшой жизни будет, как прежде. И она ещё долго, возможно, всегда, будет маленькой девочкой, просто дочкой, и всегда рядом с ней будет её дорогая мамочка...

Но чуда не случилось.

...Смахивая слёзы, Ирина всматривалась, как по маминой свечке скатывались капельки воска, как вновь и вновь дрожало свечение, в центре которого маленьким сердечком изнемогал от беспрестанных движений фитилёк. «Конечно, это мама рядом со мной, она молится за меня... Не буду плакать», - уговаривала себя Ирина.

Не слышала она, как псаломщик дочитал «часы», как примолкли прихожане, и в храме царил торжественный покой ожидания.

Не слышала она, как потревожил этот покой стук входной двери, как баба Валентина, припадая на одну ногу и громко откашливаясь, ввалилась в храм.

Не слышала Ирина, как облегчённо вздохнули люди, ожидавшие её у свечного ящика. Но баба Валентина, не обращая на них внимания, с громким шёпотом крестилась, переходя от иконы к иконе, потом, деловито направляясь вперёд, шумно опустилась на колени. И только после этого, с трудом поднявшись, побрела к свечному ящику, на ходу расправляя юбку.

...Вадим нечасто бывал в храме, но, зная, как важен сегодняшний день для Ирины, отнёсся к нему очень серьёзно. Случилось, что сам того не ожидая, он испытал сильное волнение, когда в монотонную утреннюю тишину влился низкий голос священника и высокие женские голоса, распевające псалмы: «Благослови, душа моя, Господа, и не забывая всех воздаяний Его. Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив...»

...Сегодня, в сороковой день после смерти Любови Сергеевны, Вадим заметил, с каким желанием собиралась Ирина в храм, и ему показалось, что страшное и цепкое чуть-чуть начинает отступать. Ведь всё последнее время состояние подруги внушало ему опасение. Он видел, что печаль засасывала её, как топкое болото. Она мало ела, плохо спала, а все дни, не занятые учёбой, лежала, свернувшись клубочком, и смотрела в стену. Лишь неотложные дела выводили её из уныния, тогда она с трудом поднималась, приводила себя в порядок и немного оживала. Вадим очень жалел Ирину, помогал ей по хозяйству, покупал интересные книжки, конфеты, делал всё, что раньше развеселило бы её. Но не сейчас. Сейчас горе было сильнее.

... «Хвали, душа моя, Господа, хранящего истину в век, творящего суд обидимым, дающего пищу алчущим», - каждое следующее слово вдруг являлось им единственно правильным и настоящим, потихоньку очищая их мысли и чувства от ненужности и шелухи.

Богослужение шло своим ходом, а Ирина с Вадимом пребывали в своих мыслях. Настоятель храма отец Александр с большим состраданием относился ко всем, кто обращался к нему за советом и помощью. Именно он, зная о тяжёлом недуге Ирининой матери, дал ей вместе с просфорой свечку, привезённую паломниками от Гроба Господня, которую хранил у себя как святыню много лет.

«Во царствии Твоём помани нас, Господи! Блаженны плачущи, яко они утешатся!» - необыкновенно легко и просто проникало всё глубже в сердце. Ирина и Вадим пребывали как новорождённые в осознании торжества жизни, и не было сомнения, что именно с сегодняшнего дня им обоим станет легче.

«Блаженны чистые сердцем, яко они Бога узрят. Блаженны кротции, яко они наследят землю», - казалось, сами ангелы с небес пели сегодня для них.

Перед молодыми людьми колыхалось множество свечей, и маленькие огоньки освещали лик Спасителя и возносили мольбу высоко под купол Храма и ещё выше...

...Погружённые в свои мысли они не обратили внимания, как решительно приближалась к ним баба Валентина. Они ничего не поняли, когда она, грузно склонившись над горящими свечками, по-хозяйски бесцеремонно выхватила одну из них, Ирину, и крепко зажала горящий фитилёк между огрубевшими пальцами. Жёсткой ладонью она смяла податливый воск и бросила в корзину с огарками.

Вадим успел подхватить качнувшуюся Ирину, а баба Валентина прошипела, прижав палец к губам:

-Тш-ш ш-ш-ш!..» - указывая пальцем на листок бумаги, прикреплённый к стене.

Печатными буквами было крупно написано: «Объявление. Не зажигать свечи, купленные в чужом храме. Они портят иконы».

- Э-то же ма-ма... Э-то ма-ми-на свеч-ка! – Ирина нервно глотала воздух, выбирая из огарков остаток маминой свечки, и долго сдерживаемые рыдания выплеснулись наружу с неестественным гортанным криком, а сама она, закрываясь руками, бросилась к выходу. Вадим поспешил за ней.

... На паперти никого не было. Ирина хотела бежать скорее, но ноги не подчинялись ей. Она хотела, как можно дальше убежать от чудовищной несправедливости, но ноги вязли в тягучем воздухе, и она с трудом делала шаги. Тело её стремилось вперёд, а ноги безнадежно отставали, в голове звенело, перед глазами кружилось: стены, пол, коврики, доска с объявлениями... Толкнув тяжёлую дверь, Ирина вырвалась на улицу.

Снова ярко вспыхнула мамина свечка, окружённая бесконечно-ослепительным светом Великого Солнца, посылающего всем людям на земле сострадание и любовь.